

0-795002

На правах рукописи

АХУНЗЯНОВА Раиса Рустямовна

**ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЕ
ВЫРАЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Набережные Челны – 2012

Работа выполнена на кафедре иностранных языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Шакирова Резеда Дильшатовна

Официальные оппоненты: **Хисамова Венера Нафиковна**,
доктор филологических наук, профессор,
Институт востоковедения и
международных отношений
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», заведующая
кафедрой романо-германских языков

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000807832

Фидаева Лилия Ильдусовна,
кандидат филологических наук, доцент,
ГБОУ ВПО «Казанский государственный
медицинский университет», заведующая
кафедрой русского и татарского языков

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Защита диссертации состоится «30» марта в 10 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.078.03 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, Казань, ул. Татарстан, д.2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Автореферат разослан « » февраля 2012 года.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
профессор

Мухаметдинова Р.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено комплексному изучению категории эпистемической модальности и сопоставлению средств ее выражения в английском и татарском языках.

Вопросы знания и мнения, относящиеся к сфере эпистемической модальности, имеют давнюю традицию изучения в логике и философии. Интерес к ним современного языкознания обусловлен утверждением в нем когнитивного подхода, исходящего из приоритета «фактора человека» и ставящего в центр внимания высказывание, которое рассматривается не как изолированная структура, а как отражение в языковых формах мышления и связанных с ним ментальных процессов и состояний: знания, понимания, интерпретации и т.п. Будучи одним из важнейших языковых механизмов реализации в речи рационально-оценочного отношения к передаваемому мыслительному содержанию, эпистемическая квалификация высказывания является объектом стабильного интереса со стороны лингвистов. Однако, несмотря на значительное число работ, посвященных изучению данной проблематики, освещение ее на данный момент остается далеко не полным – до сих пор существует немало «белых пятен» и проблемных аспектов, связанных с категорией эпистемической модальности, а также категорией модальности в целом, чем и обусловлен **выбор темы диссертации.**

Таким образом, **актуальность исследования** определяется целым рядом факторов:

1. В лингвистической литературе отсутствует четкое определение категории модальности в целом и специфики категории эпистемической модальности в частности. Существует разброс мнений по вопросам природы, семантического потенциала, классификации, категориального статуса и других аспектов данных феноменов.

2. В языкознании нет однозначного мнения относительно того, какие именно языковые единицы следует считать показателями эпистемической модальности в английском и татарском языках.

3. В рамках исследования эпистемической модальности не выработаны четкие критерии семантического разграничения значений уверенности/неуверенности, достоверности, вероятности, логической возможности и необходимости.

4. В татарском языковедении до настоящего времени можно считать не установленным состав парадигмы эпистемической модальности.

5. На сегодняшний день в лингвистической литературе отсутствует системно-комплексное описание средств репрезентации эпистемической модальности в совокупности контекстно-семантических особенностей их употребления, в то время как необходимость подобного описания продиктована прежде всего потребностями методики преподавания английского языка как иностранного, в частности в татароязычной аудитории, где оно призвано спо-

собствовать выбору говорящим соответствующих модальных операторов в процессе коммуникации.

6. Сопоставительный анализ средств экспликации эпистемической семантики на материале английского и татарского языков еще не проводился, в то время как данные подобного анализа необходимы для методики преподавания анализируемых языков и практики перевода.

7. И наконец, будучи непосредственно связанным с личностью говорящего и его познавательной деятельностью, исследование актуально, поскольку оно, безусловно, вносит вклад в разработку проблем когнитивной лингвистики, являющейся одной из приоритетных областей исследования в современном языкознании.

Объектом исследования в нашей работе является функционально-семантическая категория эпистемической модальности.

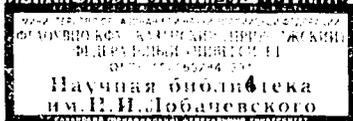
В качестве **предмета** изучения выступают средства выражения эпистемической модальности и особенности их функционирования в современном английском языке в сопоставлении с современным татарским языком.

Основными **целями** данной работы являются: 1) выявление и систематизация показателей эпистемической модальности в английском и татарском языках; 2) сопоставительный анализ маркеров эпистемической модальности в английском и татарском языках; 3) установление контекстно-семантических особенностей употребления языковых единиц, выражающих семантику эпистемической модальности.

Достижение указанных целей предопределяет решение следующих **конкретных задач**:

- определение сущности и границ исходных общетеоретических понятий: модальности и эпистемической модальности;
- уточнение категориального статуса модальности;
- инвентаризация средств выражения эпистемической модальности в английском и татарском языках;
- определение критериев сопоставления маркеров эпистемической модальности в анализируемых языках;
- проведение сопоставительного анализа средств выражения эпистемической семантики в английском и татарском языках и выявление сходств и различий двух языков на основании принятых параметров сопоставления;
- определение наиболее употребительного способа выражения эпистемической семантики в сопоставляемых языках;
- классификация языковых единиц в соответствии с манифестацией ими значений эпистемической возможности и эпистемической необходимости;
- описание контекстно-семантических особенностей функционирования средств, актуализирующих эпистемическую модальность.

В соответствии с поставленными целями и задачами работы в ходе исследования был использован комплекс методов и приемов сопоставительно-

го анализа фактов разноструктурных языков. Ведущим являлся сопоставительный метод, в качестве более частных были задействованы такие методы исследования, как анализ словарных дефиниций, компонентно-смысловой анализ, а также метод наблюдения языковых единиц в конкретном коммуникативном контексте. Ориентация в выборе репрезентантов категории определялась их семантической функцией.

Материалом для сопоставления способов актуализации эпистемической семантики и особенностей соответствующего функционирования языковых средств послужили около пяти тысяч эпистемических ситуаций, выделенных из прозаических и драматических произведений писателей Великобритании, США, Канады, Ирландии и татарских писателей. Рассматриваемый в работе период функционирования языка относится к концу XX и первому десятилетию XXI веков. Исследование проводилось в синхронном плане.

Теоретической базой исследования явились научные взгляды в области изучаемой проблематики таких российских и зарубежных лингвистов, как Е.И. Беляева, А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, Е.А. Зверева, А.В. Зеленщиков, Е.В. Милосердова, В.З. Панфилов, Н.Е. Петров, И.Б. Шатуновский, М.В. Зайнуллин, М.З. Закиев, Р.Г. Миннихметов, Р.Г. Сибгатов, В.Н. Хангильдин, В.Н. Хисамова, Ф.Ю. Юсупов, К. Аймер, Дж. Байби, Дж. Козйтс, Дж. Лайонз, У. Паглиука, Ф.Р. Пальмер, Р. Перкинс и некоторых других авторов.

Английский язык характеризуется большей изученностью эпистемических модальных операторов, хотя по-прежнему не до конца решенными остаются вопросы об общем составе и семантической нагрузке данных языковых единиц. Кроме того, на данный момент отсутствует развернутое описание контекстно-семантических особенностей их функционирования в типичных коммуникативных ситуациях. В отношении английского языка опорой нашей работы послужили, в первую очередь, научные изыскания таких авторов, как Е.И. Беляева, Е.А. Зверева, Ф.Р. Пальмер, Дж. Козйтс. Е.И. Беляева в своем диссертационном исследовании рассматривает семантическую структуру плана содержания и средств выражения категории модальности с позиции функционально-семантического подхода. Е.А. Зверева исследует особенности употребления грамматических и лексико-грамматических средств выражения модальности в англоязычной научной прозе. Труды Ф.Р. Пальмера и Дж. Козйтс посвящены изучению английских модальных глаголов.

В татарском языковедении проблема определения состава парадигмы эпистемической модальности стоит особенно остро, поскольку отсутствуют специальные исследования, посвященные данному вопросу. Существующие в научной литературе сведения по данной проблематике носят фрагментарный характер и сводятся главным образом к сообщению о реализации отдельными языковыми средствами соответствующих значений, без указания особенностей их контекстного функционирования. При исследовании реализации эпистемической семантики в татарском языке мы опирались на труды

М.З. Закиева, Р.Г. Миннихметова, Ф.Ю. Юсупова, М.А. Сагитова, Р.Г. Сибгатов.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые на материале современных английского и татарского языков сопоставительному анализу подвергаются средства выражения эпистемической модальности. Устанавливаются сходства и различия в способах актуализации семантики эпистемической возможности и эпистемической необходимости в анализируемых языках. Настоящая работа представляет собой первый опыт системного исследования и целостного описания семантических и функциональных особенностей средств выражения эпистемической модальности в татарском языке. Новизна исследования определяется также привлечением в качестве параметров сопоставления таких критериев, как тип вводимой инференции, альтернативность ее результатов, экспликация оснований вывода в лингвистическом контексте. Кроме того, для всех языковых единиц выявлены типичные коммуникативные ситуации их эпистемического функционирования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В английском и татарском языках категория эпистемической модальности имеет сложную многокомпонентную структуру, представленную средствами различных языковых уровней и частеречной принадлежности.

2. Ядро категории эпистемической модальности как в английском, так и в татарском языках составляют модальные слова, являющиеся наиболее частотным средством выражения эпистемической семантики.

3. Периферия эпистемической модальности в английском языке представлена модальными частицами, в то время как в татарском языке на периферии репрезентантов категории находятся глаголы.

4. К основным средствам выражения значения эпистемической необходимости в английском языке относятся модальный глагол *must*, который находит соответствие в татарском модально-сказуемом слове *тиеш*, и модальный глагол *will (would)*, который соответствует глаголу *булып* татарского языка, модальные глаголы *should, ought to, can* (в контексте отрицания) и модальные слова *evidently, obviously*, не имеющие аналогов в татарском языке, а также модальные слова *certainly, surely (sure), definitely, of course, undoubtedly*, которым соответствуют татарские модальные слова *ничшиксез, албәттә, шиксез, билгеле*.

5. Маркеры выражения значения эпистемической возможности в английском языке представлены такими языковыми единицами, как модальные глаголы *could* и *may (might)*, не обнаруживающими соответствия в татарском языке, глаголом *seem*, которому соответствуют татарские послелоги *кебек, сыман, шикелле, тосле*, модальной частицей *hardly*, находящей частичное соответствие в татарской модальной частице *-дыр (-тыр, -дер, -тер)*, а также модальными словами *apparently, maybe, perhaps, possibly, presumably, probably*, из которых словам *maybe, perhaps, possibly, probably* соответствуют татарские модальные слова *ихтимал* и *бәлки (бәлкем)*, тогда как слову

apparently соответствуют модальные слова *ахры(сы)*, *курәсең*, модально-сказуемое слово *бугай* и сочетание *булса кирәк* татарского языка. Английское модальное слово *presumably*, а также татарские модальные слова *мәгаен* и *шат* (*шайть*) не обнаруживают внутриязыкового и межъязыкового соответствия.

6. В английском языке экспликация значений эпистемической возможности и эпистемической необходимости имеет приблизительно равномерное распределение и высокое распространение в речи, тогда как татарский язык характеризуется гораздо более редким выражением семантики эпистемической необходимости. Число реализаций значения эпистемической необходимости в английском языке в 4 раза превышает соответствующее число реализаций в татарском языке, а общее число случаев реализации значения эпистемической возможности в татарском языке превышает число реализаций в нем семантики логической необходимости более, чем в 20 раз.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее результаты являются определенным вкладом в изучение типологии, семантики и грамматики английского и татарского языков: выявляется специфика категории эпистемической модальности в этих языках, систематизируются средства ее выражения, анализируются контекстно-семантические особенности их функционирования. Представлена классификация языковых средств в соответствии с репрезентацией ими семантики эпистемической необходимости или эпистемической возможности. Помимо этого, в работе уточнены понятия модальности, эпистемической модальности, эпистемической необходимости и эпистемической возможности.

Практическая ценность диссертационного исследования определяется возможностью использования его материалов при разработке теоретических курсов по грамматике, семантике и типологии английского и татарского языков, а также различных спецкурсов. Полученные в ходе исследования выводы о сходствах и различиях двух языков при реализации эпистемической семантики могут быть задействованы методикой преподавания английского языка татароязычной аудитории, а также практикой перевода. Выявленные контекстно-семантические особенности функционирования языковых единиц могут быть использованы на занятиях по практической грамматике английского и татарского языков во всех видах вузов, а также при написании учебников и учебных пособий.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в виде докладов, сделанных на Международной научно-практической конференции «Германистика на рубеже тысячелетий» (Набережные Челны, 2008), на XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2009), III Международной научной конференции «Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков» (Таганрог, 2009), I Всероссийской заочной научно-практической

конференции «Традиционное и новое в лексической и грамматической семантике» (Набережные Челны, 2011), на внутривузовской конференции преподавателей ФГБОУ ВПО НГПИ «Современное образование: содержание, формы и результаты» (Набережные Челны, 2011), а также опубликованы в виде статей и тезисов.

Структура работы обусловлена ее целями, задачами, спецификой предмета и методами исследования и состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, изложена степень разработанности проблемы, раскрывается научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, указываются цели и задачи, а также методы и источники исследования, дается описание общей структуры диссертации, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Лингвотеоретические основы изучения эпистемической модальности» освещаются основные теоретические вопросы, связанные с понятиями модальности вообще и эпистемической модальности в частности. Выявляются наиболее проблемные моменты исследования данных категорий, дается обзор существующих подходов к их решению, обозначается собственная позиция в отношении этих вопросов, в том числе дается определение терминов «модальность» и «эпистемическая модальность», устанавливаются ключевые признаки эпистемической модальности, указывается состав языковых единиц, привлекаемых для целей сопоставления.

Проведение исследования требовало в первую очередь уточнения сущности и границ базовых понятий модальности и эпистемической модальности. Анализ взглядов лингвистического сообщества на категорию модальности показал отсутствие ее общепринятого определения и единого подхода к ее классификации и семантическому потенциалу, а также большой разброс мнений относительно категориального статуса модальности.

Существующие теории модальности базируются на двух подходах: языковая модальность квалифицируется либо как отношение высказывания к действительности, либо как отношение субъекта речи к высказываемому. В ряде концепций данное противоречие снимается путем объединения указанных трактовок. В настоящей работе модальность понимается как языковая категория, выражающая отношение говорящего к сообщаемому им пропозитивному содержанию. На наш взгляд, фигура говорящего является центральной для определения модальности, поскольку именно субъектом речи устанавливаются отношения между предметом и предсказываемым ему признаком в высказывании. Подобное видение категории не исключает отражения модальностью отношения пропозитивной основы высказывания к действительности, такое отражение лишь становится частной разновидностью модально-

сти и согласуется с нашим признанием традиционного разделения категории на ее объективный и субъективный подтипы. При этом мы осознаем условность такого разделения и подчеркиваем относительный характер объективности, имеющейся при этом в виду. Речь идет не о фактическом отношении между содержанием пропозиции и действительностью, а об осознании данной связи как объективной или субъективной говорящим. Изучаемая нами эпистемическая модальность принадлежит при подобном разграничении к субъективному типу модальности как такая связь между предметом и признаком, которая рационально оценивается самим говорящим как его субъективный мысленный конструкт, а не как объективная характеристика реальности.

В языкознании наметились полярные тенденции в решении проблемы установления семантического объема категории модальности. В рамках широкого подхода модальности приписывается весьма широкий спектр значений, в числе которых фигурируют такие аспекты высказывания, как его реальность/ирреальность, оценка высказывания с точки зрения достоверности, отношения субъекта действия к действию, а также коммуникативная установка, утверждение/отрицание, экспрессивность и эмоциональная окрашенность, стилистические аспекты, значения обобщения, уточнения, акцентирования, темпоральные значения и другие виды отношений. В зависимости от исследовательской концепции автора репертуар модальных значений может расширяться путем включения практически любого вида оценки, при этом модальность представляется некоей всеохватывающей языковой категорией с весьма размытыми границами и крайне разнородным содержанием. Узкое видение объема модальности связано с исключением из разряда модальных эмоционально-экспрессивных, темпоральных значений, значений аффирмативности/негативности и целевой установки высказывания, значений обобщения, уточнения и других отношений. Учитывая, что понятие модальности было заимствовано лингвистикой из логики, мы считаем вполне уместным рассмотрение языковых модальных значений в ключе алетической, эпистемической и деонтической возможности и необходимости. При этом в фокусе исследования находятся естественноязыковые особенности реализации данных модальных значений. Обязательными элементами семантической системы модальности следует также признать значения реальности/ирреальности, оптативности, императивности, эвиденциальности.

В современной лингвистике отсутствует однозначное мнение относительно категориального статуса модальности, в частности, модальность квалифицируется как синтаксическая, грамматическая, логико-грамматическая, понятийная, семантическая, семантико-прагматическая, функционально-семантическая категория. Между тем, установление категориальной принадлежности модальности является ключевым моментом, который, в свою очередь, определяет зону охвата маркированных языковых средств актуализации модальной семантики. В реферируемом диссертационном исследовании мы придерживаемся функционально-семантического подхода к категориальному

статусу модальности, который не ограничивает нас структурно в выборе языковых средств, а позволяет определить набор репрезентантов категории в каждом сопоставляемом языке, исходя из общего основания – их семантической функции, контекстного назначения.

Лингвистические воззрения на эпистемическую модальность носят весьма разнородный характер. Без всякого сомнения, лингвистическая интерпретация категории не избежала влияния модально-логических изысканий, которые послужили источником самого термина «эпистемическая модальность», что находит отражение в попытках определения языковой эпистемической модальности через понятия возможности и необходимости или толкования категории с позиции теории возможных миров. Определение эпистемической модальности через понятие вероятности связано с количественной оценкой возможности того, что содержание высказывания соответствует реальности. Иные дефиниции категории имеют дело с понятиями знания, истинности или достоверности. Эпистемическая модальность представляется как категория, описывающая отношение говорящего к высказываемому им пропозициональному содержанию с точки зрения истинности последнего либо как оценка степени достоверности сообщаемого, при этом под достоверностью понимается степень соответствия пропозитивного содержания действительности с точки зрения говорящего. С понятием истинности связано также понятие эпистемического обязательства, то есть обязательства говорящего по отношению к истинности высказываемой им пропозиции. Текстовая теория эпистемической модальности представляет ее как один из подвидов межличностной модальности, задачей которого является информировать реципиента.

Для тюркологии, в частности для татарского языковедения, в отличие от англистики, вообще не свойственно оперирование термином «эпистемическая модальность». Интересующие нас значения рассматриваются в рамках модальности предположения, а также значений вероятности, достоверности, уверенности или неуверенности, сомнения применительно к отдельным семантическим разрядам тех или иных языковых единиц. В целом существенным проблемным моментом в рамках изучения категории эпистемической модальности в обоих языках является отсутствие четких критериев семантического разграничения значений уверенности/неуверенности, сомнения, предположения, достоверности, вероятности, логической возможности и необходимости, которые фигурируют в тех или иных концепциях.

Ключевыми понятиями в семантике эпистемической модальности мы признаем понятия достоверности и вероятности. Под эпистемической модальностью мы понимаем квалификацию говорящим своего отношения к высказываемой пропозиции с точки зрения ее достоверности. При этом оценка достоверности сообщаемого представляет собой оценку вероятности того, что высказываемое содержание соответствует реальности. Решая для себя, насколько достоверно его высказывание, субъект речи определяет, насколько

возможно фактическое существование сообщаемой им связи между предметом и признаком. В зависимости от того, как говорящий оценивает степень подобной вероятности, эпистемическая модальность принимает вид эпистемической необходимости или эпистемической возможности. Специфичность данного типа модальных значений заключается в том, что указанные отношения не только устанавливаются говорящим, но и осознаются им как результат ограниченности своих знаний касательно анализируемой ситуации. Что касается значений уверенности/неуверенности, сомнения, то они представляются нам вторичными и связанными скорее с эмоциональным, чем с эпистемическим состоянием говорящего. Степень уверенности субъекта речи зависит от оцениваемой им степени достоверности сообщения. Чем выше говорящий оценивает вероятность соответствия сообщаемого содержания реальности, тем выше его уверенность, и наоборот. В иллокутивном аспекте высказывание с эпистемической модальностью представляет собой акт предположения.

В качестве проблемного момента в исследовании категории эпистемической модальности обозначилось отсутствие единого мнения о составе репрезентантов категории в каждом из сопоставляемых языков, а также развернутого описания контекстно-семантических особенностей их функционирования. Данный тезис особенно правомерен в отношении татарского языка, в котором ранее не проводилось системное исследование средств экспликации эпистемической модальности.

Во второй главе «Эпистемическая необходимость и средства ее актуализации в английском и татарском языках» рассматривается понятие эпистемической необходимости и специфика репрезентации данного модального значения в английском и татарском языках. В данной главе представлены результаты сопоставления маркеров семантики эпистемической необходимости в анализируемых языках в соответствии со следующими параметрами: тип логического вывода (согласно привлекаемым посылкам для умозаключения); наличие/отсутствие эксплицитно выраженных обоснований вывода (при эксплицитном представлении способы их лингвистического оформления в контексте); типичные коммуникативные ситуации употребления; характер альтернативности вывода; временная референция языковых единиц; частотность.

Термин «эпистемическая необходимость» был заимствован лингвистикой из логики, где эпистемическая необходимость рассматривается в связи с противопоставлением ее онтологической необходимости. Если в онтологическом понимании необходимость опирается на объективные, закономерные и устойчивые связи реальности, то понятие эпистемической необходимости связано с субъективной оценкой и представляет собой такую квалификацию отношения между предметом и признаком, когда, по мнению автора суждения, действие непременно должно, должно было или должно будет иметь место при наличии определенных предпосылок.

Лингвистическое толкование эпистемической необходимости имеет разнородный характер. Влияние модальной логики прослеживается в попытках определения понятия через значения возможности, при этом эпистемическая квалификация высказывания связана с заключением о единственно возможном исходе анализируемой ситуации либо отрицанием возможности любой иной трактовки событий. Существуют попытки определения значения эпистемической необходимости через понятия достоверности и уверенности. В качестве принципиальной особенности модальности эпистемической необходимости указывается выводной характер сообщаемой информации, а также нередкое наличие обоснования умозаключения в лингвистическом контексте. Наше понимание исследуемой семантики базируется на понятиях вероятности и выводного знания. В рамках эпистемической необходимости мы рассматриваем выводное предположение с высокой степенью вероятности наличия связи между предметом и признаком, основанное на интерпретации косвенных данных. При этом важно наличие надежных, весомых оснований для инференции, которые позволяют говорящему сообщать высокую долю уверенности в адекватности выражаемого пропозитивного содержания действительности. Данные основания всегда эксплицитно или имплицитно представлены в сопутствующем контексте.

Семантика эпистемической необходимости находит выражение в обоих сопоставляемых языках, при этом, в отличие от английского языка, она значительно менее выражена в татарском языке. Согласно данным исследования, число реализаций значения эпистемической необходимости в английском языке в 4 раза превышает соответствующее число реализаций в татарском языке.

Основными языковыми показателями эпистемической необходимости в английском языке выступают модальные глаголы *must, should, ought to, will (would), can* и модальные слова *evidently, obviously, certainly, surely (sure), definitely, of course, undoubtedly*. Маркерами эпистемической необходимости в татарском языке служат модально-сказуемое слово *тиеш*, глагол *булып*, а также модальные слова *ичшикsez, элбэттә, шикsez, билгеле*. При этом, согласно общему числу контекстных реализаций, доминантой актуализации семантики в английском языке являются модальные глаголы, в то время как в татарском языке ядро ее репрезентации составляют модальные слова.

Сопоставительный анализ выявил функционально-семантический параллелизм английского модального глагола *must* и татарского модально-сказуемого слова *тиеш*, сходящихся в большинстве параметров сопоставления. Обе языковые единицы задействованы при логическом анализе наблюдаемых данных и (или) выводе, опирающемся на предварительные знания, в том числе на сведения, предоставленные другими лицами. В ситуации опоры на перцептивную информацию высокую степень вероятности умозаключения гарантирует непосредственный чувственный контакт с объектом оценки либо личное наблюдение говорящим косвенных данных: [...] *I noticed*

the strangeness of this house. I had assumed at first glance that it belonged to the nineteenth century, but I could see now that it was not of any one period. The door and fanlight seemed to be of the mid eighteenth century, but the yellow brickwork and robust mouldings on the third storey were definitely Victorian; the house became younger as it grew higher, in fact, and must have been rebuilt or restored in several different periods (Ackroyd); Йорт иске иде. Вақыт жиленнән бер якка кыйшайган мәһабәт йортның шундый ук авыш капкасыннан үтүгә таш белән түшәлгән киң ишегалдына килеп чыгасың. Күренеп тора: бу йортта элек татар сәүдәгәрләре яшәгән булырга тиеш! *Әлбәттә татар байлары!* (Гыйльманов). В случае базирования вывода на свидетельствах других лиц, речь идет об источниках, пользующихся доверием говорящего. Отличительной особенностью рассматриваемых слов является эксплицитное отражение обоснований эпистемической оценки в сопутствующем лингвистическом и/или коммуникативном контексте, при этом проявляется параллелизм способов оформления посылок инференции в структуре предложения при наличии у глагола *must* большего разнообразия вариантов подобной экспликации. В синтаксической структуре предложения с глаголом *must* обоснования могут быть представлены посредством: 1) придаточных предложений причины, вводимых союзами *because, for, since*; 2) придаточных предложений условия с союзом *if*; 3) дополнения с предлогом *from*; 4) дополнения или придаточного дополнительного предложения с предлогом *by* или с конструкцией *judging by*; 5) простого предложения в составе бессоюзного сложного предложения; 6) главной части сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным, со сказуемым, выраженным глаголом типа *to suggest*; 7) главной части сложноподчиненного предложения с придаточным следствия с союзами *so ... that*; 8) простого предложения в составе сложносочиненного предложения, предшествующего логической связке *so*; 9) части предложения, предшествующей обстоятельству следствия, выраженному инфинитивом. Обоснования вероятностной оценки в высказываниях с модально-сказуемым словом *тиеш* представлены в виде: 1) дополнения с предлогом *буенча*; 2) простого предложения в составе сложносочиненного предложения, предшествующего логической связке *дәмәк*; 3) простого предложения в составе бессоюзного сложного предложения; 4) причастного оборота. Слова *must* и *тиеш* совпадают в большинстве контекстов употребления, а именно в ситуациях реконструкции прошлых событий, установления причины наблюдаемого следствия, определения местонахождения объекта. Вместе с тем английский глагол *must* характеризуется сравнительно большим разнообразием типичных коммуникативных ситуаций, в частности он рекуррентен в ситуациях оценки психо-эмоционального или физического состояния лица, а также контексте оценки количественных параметров: “*Oh!*” *Catching sight of his injured hand. “Oh, Tom, that must be sore.” (Salkeld). The fish was fat and fleshy. It must have weighed a good forty pounds (Martel).* Сопоставляемые языковые единицы характеризуются одинаковой временной референцией, однако обна-

руживают расхождение в связи с параметром частотности, согласно которого модальный глагол *must* превосходит свой татарский эквивалент в 12 раз.

Английский модальный глагол *will (would)* находит функционально-семантическое соответствие в татарском глаголе *булып*. Своеобразие данных слов заключается в базировании вводимой ими инференции на предварительных знаниях говорящего, при этом отмечается безальтернативность вводимого умозаключения. В качестве рекуррентных посылок для логического вывода при использовании указанных языковых единиц выступают знания установленного порядка, расписания, образа жизни того или иного лица/лиц, знания особенностей характера, привычек человека: *They'll be in the rec room now. That's where they usually are at this time," she said (Sparks); Зәйтүнәнең эше биштә үк бетә, ул инде киткән булып, эштә калган дежур табиб белән шәфкать туташының күзенә чалынымый гына үтөп китү кыен булмас дип үйлаган иде ул (Маликова)*. Экспликация посылок умозаключения в целом не свойственна глаголу *will (would)*, однако фиксируется в половине случаев эпистемического функционирования глагола *булып*: *Байтак вакытлар узганнан соң, сабакташ иптәшләренең берсеннән ишетеп белдем: соңыннан ул юридик мәктәп бетереп, кайсыдыр бер районда судья булып эшли башлаган. Дәйтмешләренә караганда, начар судья да түгел, имеш. Булып: бөтенесен булдыра ала торган егет иде Латып, мин аны яхшы беләм (Хәсни)*. Языковые единицы характеризуются идентичной временной отнесенностью, указывая на действия, одновременные с моментом речи или предшествующие ему, и совпадают в типичных контекстах употребления (ситуации определения поведения, занятия или местонахождения лица в конкретных обстоятельствах, контекст оценки количественных показателей). Обнаружены расхождения рассматриваемых слов, связанные с гораздо более высокой частотностью английского глагола.

Модальные глаголы *can, should, ought to*, согласно данным исследования, не имеют функционально-семантических аналогов в татарском языке.

Модальный глагол *can (could)* манифестирует значение эпистемической необходимости в контексте отрицания, в котором данный глагол идентичен глаголу *must* по степени вероятности и аргументированности вывода, при этом обоснования оценки находят регулярное эксплицитное отражение в сопутствующем контексте: *He couldn't have forgotten for three whole days that his luggage was at the hotel. He'd have rung up about it, he'd have called for it, or in a supreme fit of absent-mindedness he might have come straight home (Christie)*. В качестве сущностной характеристики глагола *can (could)* установлена безальтернативность вводимого им умозаключения. Типичной коммуникативной ситуацией употребления глагола в исследуемом значении является ситуация восстановления хода прошлых событий: *You couldn't have looked in my briefcase at price-sensitive documents, except for the one for Rightson Electronics, because I wasn't carrying any (Barrett. M)*.

Модальные глаголы *should* и *ought to* проявляют внутриязыковой параллелизм, реализуя семантику эпистемической необходимости с оттенком значения очевидности, естественности предположения в инференции касательно настоящих или будущих событий, опирающейся на предварительные знания: “*Ahn-dre-ah, when is Lucia due to arrive?*” “*Oh, hello, Miranda. Let me just check the itinerary I have for her. Here it is. Let’s see, it says here that she was flying in directly from the shoot in Stockholm today. She should be at the hotel.*” (Weisberger); *Mahoney and Jesper ought to be in the vicinity – they were supposed to patrol the neighborhood all morning while John was undercover (Arnold).* При этом заключение с глаголами *should* и *ought to* характеризуется сниженной по сравнению с глаголами *must* и *will* степенью уверенности говорящего и имплицитным допущением возможности ошибочности вывода. Обе языковые единицы вводят один способ интерпретации ситуации. Вербальными индикаторами когнитивной схемы инференции в высказывании с *should* могут служить логическая связка *so*, а также построение высказывания по модели сложноподчиненного предложения, где посылка для вывода выражена главным предложением с дополнением, введенным предлогом *from*, или придаточным причины с союзом *since*. Для эпистемического функционирования глагола *ought to* более характерно представление обоснований вероятностной оценки в контексте сверхфразового единства.

Лексическое выражение значения эпистемической необходимости в английском языке характеризуется большим разнообразием представленных маркеров по сравнению с татарским языком. Английский язык располагает такими лексическими актуализаторами семантики, как модальные слова *evidently, obviously, certainly, surely (sure), definitely, of course, undoubtedly*, тогда как в татарском языке в роли показателей данного значения выступают модальные слова *иччишкесез, элбэттә, шиксез, билгеле*. Кроме того, английскому языку свойственна большая по сравнению с татарским языком частотность употребления лексических модальных операторов эпистемической необходимости согласно совокупному числу случаев их использования в речи. Группе синонимичных английских модальных слов *certainly, surely (sure), definitely, of course, undoubtedly* соответствует группа синонимов *иччишкесез, элбэттә, шиксез, билгеле* татарского языка. Указанные модальные слова совпадают в большинстве типов вывода при наличии в качестве инварианта значения семы отсутствия сомнения: *The muscle in his cheek was sill twitching, and the tension in his jaw and neck was visible. He was definitely angry (Quinn).* Исәнме юк, саумы юк, шушы чәнечкеле сүзләре белән үк ул мине көйдереп алгандай итте – ул, *элбэттә, үпкәләгән иде миңа (Хосни)*. Обозначенные языковые единицы характеризуются безальтернативностью вводимого умозаключения и универсальной совместимостью со всеми тремя временными планами: *Henry did not dance, but had he done so he would surely have had to dance with Mona, because all the gentlemen did (Tóibín).* *I was not cruel, I would not kill a bird or steal its eggs, certainly not (Banville).* “*The spoon*

has a crest on it," Zeke said angrily. "We'll undoubtedly be able to show exactly which of the officers it belonged to." (Barrett, A). Әйе, бу тавыш, һичшиксез, аныкы иде, «Атас» дин, талаучыларга, атасына пычак кадаучыларга ул кычкырды (Маликова). Сания. Ә алар бишлгә тарта алалармы соң? Фидан. Әлбәттә (Яһудин). Ана хәтле ана жылы авызыннан чыккан сүзләре белән әйткәч, кич утыру. һичшиксез, булыр дин уйлыым, ул яктан шигем юк (Хөсни). При употреблении рассматриваемых модальных операторов посылки инференции могут быть как представлены эксплицитно в контексте предложения или сверхфразового единства, так и выведены с опорой на данные коммуникативного контекста и/или общелогические рассуждения. В случае эксплицитного указания обоснования вывода в обоих языках могут быть отражены в контексте сверхфразового единства, а также непосредственно в самом высказывании в виде: 1) части простого предложения; 2) простого предложения в составе бессоюзного сложного предложения; 3) придаточного предложения причины, вводимого союзами *because, for* английского и *чөнки* татарского языков; 4) деепричастного оборота. Кроме того, для английского языка свойственна возможность экспликации обоснования модальной оценки посредством дополнения, вводимого фразой *judging from*, а также простого предложения, предшествующего логической связке *so* в составе сложносочиненного предложения. Выявлена низкая частотность английского модального слова *undoubtedly* и татарских модальных слов *билгеле* и *шиксез*.

Английские синонимичные модальные слова *evidently* и *obviously* не находят соответствия в татарском языке, реализуя значение эпистемической необходимости с оттенком значения очевидности в логическом выводе, основанном на данных наблюдения: *Lucy looked round her. They were in a small room evidently designed to be used as a study, but equally evidently not used as such for a very long time. There were piles of dusty papers on the desk and cobwebs festooned from the corners of the ceiling. The air smelt damp and musty (Christie); 'You obviously do,' she said. 'What?' 'Like to dance. I saw you.'* (Evans). Модальные слова обладают идентичной временной соотносительностью, указывая на действия, предшествующие моменту речи или одновременные с ним, и не уместны в ситуации неоднозначной трактовки событий. Типичным коммуникативным контекстом использования данных слов является установление причинно-следственных связей.

Третья глава «Эпистемическая возможность и средства ее актуализации в английском и татарском языках» посвящена рассмотрению понятия эпистемической возможности и способов реализации данного модального значения в сопоставляемых языках. В данной главе приводятся результаты сопоставления маркеров эпистемической возможности английского и татарского языков в соответствии с такими критериями, как тип инференции; наличие/отсутствие эксплицитно выраженных обоснований вывода; типичные коммуникативные ситуации употребления; характер альтернативности вывода; временная соотносительность языковых единиц; частотность.

В философии возможность является одной из основных категорий онтологической модальности и представляет собой объективную тенденцию развития, которая присутствует в любом предмете или жизненном явлении и составляет условия его возникновения. В отличие от онтологической возможности эпистемическая возможность связана с субъективным представлением говорящего о действительности и проистекает из ограниченности его знаний. Квалифицируя что-либо как возможное, субъект познания допускает равновероятную альтернативу того, что это может иметь, а может и не иметь место при определенных условиях, то есть речь идет о равновероятной истинности или ложности наличия связи между предметом и предсказуемым ему признаком. Верификация данной связи осуществляется через объективную действительность. Понятие возможности неразрывно связано с понятием вероятности, которое выступает количественной мерой возможности.

Круг значений, рассматриваемый нами в рамках семантики эпистемической возможности, изучается также с позиций значений неуверенного предположения, неуверенности, сомнения, средней и низкой степени достоверности, что особенно характерно для татарского языковедения.

Под эпистемической возможностью мы понимаем предположение со средней или низкой степенью вероятности о наличии связи между предметом и признаком, формулируемое в условиях недостаточной осведомленности говорящего. При этом имеет место рассмотрение субъектом речи альтернатив интерпретации ситуации, которое может быть представлено эксплицитно, либо носить имплицитный характер.

Доминантными показателями эпистемической возможности в обоих языках являются модальные слова. При этом инвентарь модальных слов английского языка характеризуется большей представленностью языковых единиц, сигнализирующих о выводе умозрительного, общелогического плана, тогда как для модальных слов татарского языка более свойственно базирование вероятностной оценки на перцептивных данных при непосредственном контакте с анализируемой ситуацией.

Маркеры семантики эпистемической возможности в английском языке представлены следующими языковыми единицами: модальные глаголы *could* и *may (might)*, глагол *seem*, модальная частица *hardly*, модальные слова *apparently, maybe, perhaps, possibly, presumably, probably*. Татарский язык располагает такими экспликаторами семантики, как послелоги *кебек, сьман, шикелле, төсле*, модальная частица *-дыр (-тыр, -дер, -тер)*, модальные слова *ахры(сы), бәлки (бәлкем), ихтимал, күрәсен, мөгаен, шәт (шаять)*, модально-сказуемое слово *бугай* и сочетание *булса кирәк*.

Английские модальные глаголы *could* и *may (might)* не находят соответствия в татарском языке. Глагол *could* рекуррентен в инференции, связанной с общелогическим, теоретическим допущением возможности, основанной на знаниях общего характера и предварительных сведениях, в частности на знании свойств объекта оценки: '... I am a New York newspaperman! I want

your help.' There was a long pause as the old Negro turned to stare at Cade. Then cautiously, he said, 'You could be lying'. Cade took out his billfold and put up his press card on the bar. 'I'm not lying' (Chase). Особенностью глагола является его способность вводить два варианта анализа ситуации. Глагол соотносится со всеми тремя временными планами и наиболее востребован в контексте восстановления прошлых событий: ... and I felt pretty good about myself – I had a nice tidy little figure then, nothing big or floppy, so I could have been wearing a leotard – ... (Updike).

Вывод с глаголом *may (might)* базируется на знаниях конкретной ситуации, причем как на предвещающих, так и на наблюдаемых данных. Типичными коммуникативными ситуациями употребления глагола *may (might)* выступают контексты реконструкции прошлых событий, оценки психоэмоционального состояния, указания причины наблюдаемого следствия. Особенностью глагола *may* является его использование в ситуации существования одновременно двух равновероятных альтернатив интерпретации фактов: *In the Nude in the bath, with dog, begun in 1941, a year before Marthe's death and not completed until 1946, she lies there, pink and mauve and gold, a goddess of the floating world, attenuated, ageless, as much dead as alive, beside her on the tiles her little brown dog, her familiar, a dachshund, I think, curled watchful on its mat or what may be a square of flaking sunlight falling from an unseen window (Banville)*. Форма *might* может вводить как два, так и три варианта трактовки ситуации: *This storm might well be like others past that had caused them to suffer, had killed even – or perhaps it might dwindle beneath tonight's stars and give their children snowbound happiness. Who knew? Who could predict? (Guterson); The possibilities were numerous. Canon Pennyfather might have got on the wrong train and failed to discover his mistake until he was at Land's End or John o' Groats, or he might still be in London having made some mistake in the date, and was therefore convinced he was not returning until tomorrow. He might have met a friend or friends at this foreign conference he was going to and been induced to stay out there perhaps over the weekend (Christie)*.

Сопоставление выявило значительный функционально-семантический параллелизм эпистемического употребления английского глагола *seem* и татарских послелогов *кебек, сыман, шикелле, төсле*. В качестве эпистемического модального оператора глагол *seem* является языковой единицей, значительно обойденной вниманием лингвистов. Эпистемический потенциал и особенности функционирования татарских послелогов так же остаются широким полем для исследования. Данные языковые единицы редко включаются в состав средств, репрезентирующих эпистемическую модальную семантику. Между тем проведенное исследование убедительно демонстрирует способность данных средств к реализации значения эпистемической возможности, причем указанные средства являются частотными маркерами значения в анализируемых языках. Умозаключение в высказывании с данными языковыми единицами базируется на сенсорных данных с привлечением знаний

общего характера и знаний из личного прошлого опыта и соотносится с контекстами оценки психо-эмоционального и физического состояния лица, оценки качеств личности, формирования первоначальной гипотезы: *Annie looked at her, something that was neither fear nor pain but but a hybrid of both seemed to cross the girl's face (Evans)*. Кыяфәтләренә караганда, алар карчыкның бөтен уйларын төшенәләр төсле иде (Вергазов). Для языковых средств обоих языков характерно прагматическое употребление в “фигурах вежливости”, продиктованных этикетными требованиями, чувством такта, скромностью и т.п. Указанные слова проявляют сходство представления обоснования вероятностной оценки в лингвистическом контексте: *But Lucie didn't even seem to hear her. She stared blankly at the wall and Roz left her to it (Barrett, M)*; *Карт бу юлы да дәшмәде. Ул үз тирәсендә бөтерелеп йөргән бу күрше малаен ишетми дә кебек (Гыйльманов)*. Основное различие сопоставляемых языковых средств касается их временной дистрибуции и заключается в том, что английский глагол *seem* не соотносим с предположением, связанным с будущими событиями. Что же касается татарских послелогов, попытка прогнозов на будущее является весьма распространенным среди их употреблений: *Озакламый суытыр кебек, кар җиле исә әнә (Дәүләтов)*. Отдельные контекстно-семантические различия рассматриваемых языковых единиц состоят в наличии некоторых уникальных для каждого языка контекстов употребления, в частности речь идет о контекстах иронии и шуточного предположения для глагола *seem* и контексте припоминания для татарских послелогов.

Еще одним классом языковых средств, служащих для передачи семантики эпистемической возможности, являются частицы. Вопросы эпистемического функционирования частиц относятся к числу мало разработанных как в англистике, так и в татарском языкознании. Проведенный нами анализ языкового материала позволяет квалифицировать как эпистемические модификаторы частицу английского языка *hardly* и частицу татарского языка *-дыр (-тыр, -дер, -тер)*, реализующие значение эпистемической возможности в ситуации выводного знания. Сопоставление данных модальных частиц выявило больше различий, чем сходств. Английская частица отличается от татарской наличием в составе своей семантики компонента имплицитного отрицания возможности: *He wasn't unhappy, but she didn't think he was achieving all that he could do and that was simply because of the lack of opportunities. He wasn't unhappy, but he was hardly happy either (Barrett, M)*. Частицы сопоставляемых языков расходятся в отношении специфичных контекстов употребления и типов вывода, временной дистрибуции и альтернативности результатов инференции. Если английская частица манифестирует семантику эпистемической возможности исключительно относительно действий, одновременных с моментом речи, то татарская частица при реализации данного значения соотносима как с действиями, одновременными с моментом речи, так и предшествовавшими ему: *“You look like Peggy Fleming, Mom,” Meg said admiringly. “Hardly, sweetheart. But thanks anyway.” (Steel)*; *Нугә безнең тәрәздә ул юк? Ә, алар*

сабан туендадыр (Гаффар); Тәрәзә төбендә гөлсез гөл савытын күрөп, Рахила: «Кыш көне салкын тигәндер инде», - дип куйды (Дәүләтов). Частица *hardly* сигнализирует о безальтернативности вывода, в то время как частица -дыр (-тыр, -дер, -тер) вполне уместна при двоякой трактовке событий: *Алай димәле, Рәмзия ана, бала бит, уен белән мавыгып дөнъясын онытып йөридер әле. Йә Кала-таудагы куышында ятадыр. Берәз үпкәсе килсә, шул оясына китеп юкка чыга торган гадәте бар...* (Гыйльманов). Существенное различие частиц связано с их частотностью. Частица *hardly* в исследуемом значении характеризуется крайне низкой частотностью, являясь наименее задействованным показателем эпистемической возможности в английском языке. Частица -дыр (-тыр, -дер, -тер) превосходит ее по общему числу употреблений в речи в 40 раз и является одним из самых распространенных средств выражения семантики эпистемической возможности в татарском языке. Сходства сопоставляемых языковых единиц касаются эксплицитного представления обоснований умозаключения, а также совпадения в ряде типов репрезентируемой ими инференции.

Группа модальных слов *maybe, perhaps, possibly, probably* английского языка находит соответствие в татарских модальных словах *ихтимал, бәлки (бәлкем)*. Своеобразие данных языковых единиц заключается в актуализации семантики эпистемической возможности в логическом выводе умозрительно-го характера, часто при отсутствии экспликации оснований инференции: *Maybe he was in that neighbourhood, but I don't know (Blunt)*. *Бәлки, ул малай авылдадыр, өйдәдер инде?* (Гыйльманов). Важной отличительной особенностью является способность вводить до пяти вариантов трактовки анализируемой ситуации: *Ishmael still could not read what her eyes meant – punishment, sorrow, perhaps buried anger, perhaps all three simultaneously. Perhaps some sort of disappointment (Guterson)*. Для данных модальных операторов характерно разнообразие охватываемых коммуникативных контекстов и соотносительности со всеми тремя временными планами.

Совпадение относительно типа вывода, его оснований и альтернативности результатов, характерных контекстов употребления, а также временной референции выявляет функционально-семантический параллелизм английского модального слова *apparently* и татарских модальных слов *ахры(сы), күрәсез, бугай*, модального сочетания *булса кирәк*. Дифференциальной характеристикой данных модальных операторов является базирование вводимого ими умозаключения на сенсорной информации. Высказывания с данными языковыми единицами представляют собой описание работы мысли говорящего при интерпретации тех или иных наблюдаемых им данных, при этом основания вероятностной оценки находят регулярное эксплицитное отражение в сопутствующем контексте: *There was a broken couch, three battered chairs with the stuffing pouring out, a coffee table that had seen better days, and a small Formica dinette set, with a television blaring in the distance. Inside, the house looked even worse than it did outside. Eileen Jones apparently did not spend*

a great deal of time keeping house for her husband (Steel). *Шәһәрдә тыуып үскән, күрәсен, йөрешә дә, сойләшүе дә авылча түгел (Дәүләтов)*. Указанные слова преобладают в контексте оценки психического, эмоционального состояния того или иного лица, основанной на их внешних проявлениях: *Paintings hang on the shining walls. One shows, in dark colors, a woman wrapped in a whipping strip of silk apparently having an argument, from the way her arms are flailing, with a big swan that just stands there pushing (Updike)*; *Шулай да Гали абыйның күңелен кузгаттым, ахрысы, ул, киң кашларын жыерып, нидер уйланып утырды (Гомәр)*; «*Рафаэльдә һаман моңсу карап. Тыйнак кына итеп суз куша. Күрәсен, башында мең хәсрәт. ...?*» – *диң уйлады Галия (Дәүләтов)*. Для данных языковых единиц не свойственна вариативность анализа ситуации. Выражаемая пропозиция относится главным образом к ситуации, предшествовавшей моменту речи либо одновременной с ним.

Английское модальное слово *presumably*, так же как и татарские модальные слова *мөгаен* и *шаять* (*шәт*), не обнаруживает межъязыковых функционально-семантических соответствий. Модальное слово *presumably* характеризуется крайне низкой частотностью. Оно встречается в инференциях относительно ситуации, одновременной с моментом речи или предшествовавшей ему в разнородных коммуникативных ситуациях употребления: *Her voice was low now, presumably so that Grace wouldn't hear (Evans). [...]; Kathryn had driven her car, an orange Honda coupe with one unpainted fender left over from, presumably, a city accident, up the driveway and aggressively beyond it, parking at an angle beneath the beech where neither Hope nor the Warrens ever park (Updike)*. Вывод с татарским модальным словом *мөгаен* носит универсальный характер и может быть как умозрительным, так и перцептивным, при этом в обоих случаях типично наличие эксплицитно представленных обоснований. Умозрительный тип вывода наиболее характерен для использования языковой единицы в контексте предположения, касающегося будущих событий: *Ләкин, мөгаен, тыныч кына әңгәмә корып булмастыр. Бу – беренче генә очрашу түгел. Узганында кызып кителде (Маликова)*. Коммуникативный потенциал языковой единицы разнообразен, при этом наиболее распространенным выступает контекст употребления в ситуации объяснения причины того или иного факта или явления. Уникальной особенностью татарского модального слова *шаять* (*шәт*), реализующего семантику эпистемической возможности в выводе умозрительного характера, является наличие в его семантической структуре наряду с семой предположения о возможности дополнительного компонента – семы надежды говорящего на то, что высказываемая им пропозиция истинна: *Айнурны ни өчендер хәрби кеше итеп күз алдына китерә. Бу турыда исенә тошкәч үк, Сәлифәнең күңелен бер уй жылытып үтә. Заһидулла хәрби училищеда укыта бит. Ярдәм итми калмас. шәт (Шәрифүллина)*.

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного исследования.

Настоящее исследование представляет собой комплексный сопоставительный анализ эпистемической модальности и средств ее выражения в английском и татарском языках. Сопоставление, проведенное на основании ряда параметров, позволило выделить общее и идиоэтническое в анализируемых языках, причем дало возможность выявить как структурные, так и речевые сходства и расхождения языков разных типологических систем с точки зрения качественной характеристики и количественной представленности единиц различных языковых уровней. Полученные результаты способствуют уточнению семантического потенциала эпистемической модальности и инвентаря средств ее актуализации в английском и татарском языках и систематизации данных маркеров с новых позиций, а также позволяют выявить контекстно-семантические особенности функционирования эпистемических модальных операторов исследуемых языков.

Следует отметить, что рассмотренная в исследовании проблематика не исчерпала своего потенциала. Так, проведение сопоставительного анализа на основе текстов различной стилистической принадлежности позволит получить новые данные и уточнить уже имеющиеся выводы. Привлечение для сопоставления материала большего числа языков позволит получить новые данные, касающиеся функциональной типологии языков, а также содействовать дальнейшему развитию теории эпистемической модальности и модальности в целом.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК

1. Ахунзянова Р.Р. Инференциальное функционирование модальных слов английского языка 'maybe' и 'possibly' / Р.Р. Ахунзянова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2011. – Вып. 55. – С. 27 – 30.
2. Ахунзянова Р.Р. Инференциальность и средства ее выражения в английском языке / Р.Р. Ахунзянова, Р.Д. Шакирова // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия "Лингвистика". – Челябинск, 2010. – Вып. 11. – С. 42 – 45.
3. Ахунзянова Р.Р. Контекстно-семантические особенности функционирования английского модального глагола must как маркера выводного знания / Р.Р. Ахунзянова // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – Кострома, 2009. – Том 15. – С. 77 – 81.
4. Ахунзянова Р.Р. Эпистемическая необходимость и ее выражение в английском и татарском языках / Р.Р. Ахунзянова // Вестник Бурятского государственного университета. Романо-германская филология. – Улан-Удэ, 2010. – Вып. 11 – С. 8 – 12.

5. Ахунзянова Р.Р. Эпистемическая необходимость и лексические средства ее выражения в английском и татарском языках / Р.Р. Ахунзянова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2010. – Вып. 42 – С. 8 – 12.

*Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов
и периодических изданиях*

6. Ахунзянова Р.Р. Инференциальная семантика английских модальных глаголов *should* и *ought* / Р.Р. Ахунзянова // Современное образование: содержание, формы и результаты: материалы внутривузовской конференции преподавателей ГОУ ВПО «НГПИ». – Набережные Челны, 2011. – С. 99 – 101.
7. Ахунзянова Р.Р. Инференциальная семантика английских модальных глаголов *may* и *should* / Р.Р. Ахунзянова // Традиционное и новое в лексической и грамматической семантике: сборник материалов I Всероссийской заочной научно-практической конференции // сост. Шакирова Р.Д., Садриева Г.А. – Наб. Челны: НГПИ, 2011. – С. 25 – 58.
8. Ахунзянова Р.Р. Инференциальное значение английских модальных глаголов / Р.Р. Ахунзянова // Вестник НГПИ: сборник научно-методических трудов. – Набережные Челны, 2010. – Вып. 18. – С. 81 – 84.
9. Ахунзянова Р.Р. Контекстно-семантические особенности эпистемического употребления модального глагола *may* и модального слова *maybe* в английском языке / Р.Р. Ахунзянова // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 656.
10. Ахунзянова Р.Р. Об эпистемическом функционировании английского глагола *seem* и татарских послелогов *кебек*, *сыман*, *шикелле*, *төсле* / Р.Р. Ахунзянова // Вестник НГПИ: сборник научно-методических трудов. – Набережные Челны, 2010. – Вып. 17. – С. 60 – 63.
11. Ахунзянова Р.Р. Особенности эпистемического употребления глагола *seem* / Р.Р. Ахунзянова // Международная научно-практическая конференция «Германистика на рубеже тысячелетий» // под ред. Ю.Б. Ясаковой. – Набережные Челны: Издательско-полиграфический отдел НФ ГОУ ВПО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – С. 85 – 87.
12. Ахунзянова Р.Р. Семантико-синтаксическое соответствие эпистемического употребления английского модального глагола *must* и татарского модально-сказуемого слова *тиеш* / Р.Р. Ахунзянова // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков: Сборник трудов III Международной научной конференции (5-7 июня, 2009, Таганрог, Россия). Ч. 1. – Таганрог: Издательский центр ГОУ ВПО «Таганрогский государственный педагогический институт», 2009. – С. 74 – 77.

Подписано в печать 20.02.2012 г.

Усл.печ.л. 1.

Тираж 100 экз. Заказ №97.

Автореферат отпечатан в Набережночелнинском институте
социально-педагогических технологий и ресурсов

423800, Республика Татарстан, г. Набережные Челны,
ул. Низаметдинова, д.28